

Кизука подняла глаза от телевизора и увидела, что мужчина в костюме приближается к ней с осторожной улыбкой. Он протянул к ней руку, а его глаза были скрыты за черными линзами. Она почти инстинктивно заглянула в его разум, вызывая любые образы и существа, которые появлялись перед ней, но мужчина ничуть не дрогнул, чем привел ее в замешательство.

"Следуй за мной, дитя", - сказал он и повернулся, как только ее рука оказалась в его руке. Кизука с любопытством смотрела на мужчину, пока он вел ее по коридору, держа одной рукой ее руку, а другой сжимая небольшую стопку бумаг и трость, которой он постукивал по земле при каждом шаге. Она обернулась в сторону конференц-зала, но родителей нигде не было видно.

Мужчина вывел ее из небольшого офисного здания в причудливо стилизованный сад перед гораздо большим зданием, занимавшим несколько этажей и множество комнат. На взгляд Кидзуки, оно было больше, чем здание, в котором они только что находились, но оно также казалось намного старше. В кирпичной кладке были различные трещины, потолок, казалось, был на волосок от обрушения, и ни одно окно не было заляпано грязью и копотью.

"Сэр?" спросила она, взяв за руку мужчину с круглыми глазами. "Куда мы идем?"

"Я... везу тебя в твой новый дом", - осторожно ответил мужчина.

Прошло около двух недель, прежде чем юная Кизука поняла и смирилась с тем, что это дом-интернат для сирот или сданных и проблемных детей, которым некуда идти. Ее родители передали ее государству.

Обустройство в новом доме было вызвано необходимостью, а не желанием. И единственное, что оставалось неизменным в жизни Кизуки, что она презирала больше всего на свете, - это постоянное отвращение к ее Причуде со стороны детей и взрослых, окружавших ее, и постоянные требования, чтобы она прекратила использовать ее, несмотря ни на что.

Конечно, на эти требования, которые раньше встречали детское сопротивление, теперь отвечали открытым негодованием и неповиновением, и Кидзука продолжала использовать свою причуду на всех, на ком ей заблагорассудится. Не то чтобы она не контролировала то, что когда-то считалось страшной, нестабильной причудой, совсем наоборот! Годы, проведенные в издевательствах над другими детьми, позволили ей еще глубже понять свои способности.

"Интересно...", - пробормотала она, перелистывая сознание очередного ребенка. Ей нужно было использовать каждую возможность, пока они неизбежно не побежали со слезами к кому-то из взрослых, и она не была наказана слепым человеком. Ее силы не действовали на слепого. Это бесило. Она ненавидела его больше, чем всех остальных в доме.

Кизука назвала свою причуду "Страшила", так как она позволяла ей заглядывать в мысли людей, видеть их страхи и создавать эти страхи перед ними в виде иллюзий, которые могли видеть только они.

Вот именно - страхи. Кизука довольно рано, к своему удовольствию, поняла, что ее способности не просто позволяют ей видеть самый большой страх человека - она может видеть их все, и выбирать, какие из них показывать своим жертвам по своему усмотрению.

И более того, ей это нравилось. Наслаждалась этим. А почему бы и нет? Это была ее причуда, не так ли? Причуды не должны были бояться, они должны были использоваться и приниматься всеми. Разве не об этом говорили ее родители и воспитатели в детском саду, когда она была маленькой, о том, что причуда делает каждого человека уникальным и особенным по-своему?

Так почему же она была не такой, как все? Никого из других детей не наказывали одиночным заключением в тусклой, тесной комнате за открытое использование своих Причуд. Никого из них взрослые не шлепали, не кричали на них, не ругали и не унижали до такой степени, как ее. Никто из других детей не подвергался остракизму со стороны сверстников, их избегали, как ходячую, дышащую чуму, чтобы высмеивать, оскорблять и унижать за их спинами.

Никому из других детей не говорили, что их причуда - это "зло".

Конечно, это взаимное презрение только заставляло детей провоцировать Кизуку на расстоянии, что в свою очередь заставляло Кизуку доводить их до крика и плача с помощью своей силы, что в свою очередь заканчивалось тем, что она оказывалась в изоляции на весь вечер с минимальными порциями ужина и строгой руганью или шлепками.

И вот, детское сопротивление, переросшее в открытое неповиновение, снова превратилось в кипящую ненависть ко всем, кто окружал ее в доме, как взрослым, так и детям.

Как они смеют играть со своими причудами, не заботясь ни о чем на свете, - бушевала Кизука ночь за ночью, находясь в изоляции. Как смеет кто-то свободно пользоваться своими причудами... в то время как меня снова и снова душат!

Как это ни неприятно, но не только ненависть поддерживала Кизуку и не давала ей покоя; ненависть сочеталась с восхищением к Всемогущему и Обществу Героев. Она никогда не забывала о своем чувстве удивления при виде того, как Всемогущий, Эндевор и многие другие герои свободно выходят на улицы и используют свои причуды против злодеев, да еще и при поддержке народа. Это был уровень свободы, которому она когда-то завидовала, а теперь жаждала и открыто жаждала.

Каждый вечер, когда ее помещали в изоляцию, она клялась, что станет героем. И она больше не потерпит, чтобы люди мешали ее мечте.

Кизука оставалась застойной, но упорной в течение всех лет пребывания в доме-интернате, почти тщетно цепляясь за свою мечту, пока не перешла в младшую школу.

Там события приняли... мягко говоря, интересный оборот.

У детей из дома-интерната был выбор, когда речь шла о государственном образовании. Они могли выбирать, какую среднюю школу посещать, если она находилась поблизости от их дома, или выбрать базовое образование через Интернет. После некоторых раздумий Кидзука решила посещать младшую школу Кореллии, а не младшую школу Альдеры.

К сожалению, она была не единственным человеком из дома-интерната, посещающим Кореллию. А вместе с ними пришли сплетни, а вместе со сплетнями - ее продолжающийся остракизм и изоляция, которые только подогревали ее ненависть.

"Держись подальше от этой девушки..."

"Она заставляет тебя видеть свои страхи..."

"У нее злая причуда..."

Последнего всегда было достаточно, чтобы разжечь ее гнев и вызвать ответную агрессию. Поначалу она была неосторожна, набрасываясь на других детей из интерната, которые уже были знакомы с ней и ее тактикой. Это привело к тому, что она неоднократно оказывалась перед учителями и директором школы. По прошествии нескольких месяцев Кизука начала издеваться над другими учениками более расчетливо, предпочитая нападать на тех, кто не жил в том же доме, что и она. Она также начала выбирать более тонкие страхи, которые не часто приводили к тому, что ее объекты вскакивали и кричали от испуга. При этом Кидзука всегда могла спрятаться за щитом правдоподобного отрицания, и каждый инцидент, доведенный до сведения учителя, насильно отвергался как сценарий "он сказал, она сказала".

Но все изменилось во время второго года обучения в младшей школе Кореллии, когда она встретила девочку по имени Киока Джиро.

Сначала Кизука не думала о ней - просто маленькая, тихая девочка с удлиненными наушниками на ушах, которая не выглядела слишком впечатляюще в каком-либо значительном смысле. Она бездумно вбила себе в голову свою тонкую неприязнь к паукам и пошла по своим делам во время обеда, приготовив обычную отговорку на тот случай, когда этот инцидент неизбежно будет доведен до сведения учителя.

Но этого так и не произошло.

Все, чем Кидзука могла похвастаться за свой поступок, - это беспокойная волна от Джиро на следующее утро. Никаких слез. Ни слез, ни горечи. Ни ругани со стороны учителя. Ни презрительных сплетен от девочки с наушниками.

Кидзука была не просто растеряна, она была просто ошеломлена. Она не знала, что думать, не знала, что чувствовать, даже не знала, что можно понять. На следующий день и через день она размышляла над тем, почему Джиро не побежал к учителю, чтобы рассказать о неприятном опыте, который, несомненно, заставил ее пережить Кизука. Она заставила Джиро увидеть

только пауков и летучих мышей - то, чего в той или иной степени боится множество людей, а не то, чего Джиро боялся больше всего, но, тем не менее, отсутствие враждебности ее смутило.

"Привет."

Это был неловкий голос, да еще и тихий, но его было более чем достаточно, чтобы вывести Кидзуку из задумчивости. Она подняла взгляд и увидела Джиро, стоящего рядом с ее столом, отводя глаза в сторону, когда она беспокойно крутила пальцами разъем для наушников.

Кидзука мгновенно сузила глаза в подозрении. "Что?" - выкрикнула она чуть более решительно, чем следовало.

"Я слышал, что почти все говорят о тебе", - сказал Джиро тише. "Мне трудно не слышать, учитывая мой квирк и все такое... Я просто хочу, чтобы ты знала, что я не расстроен из-за того, что произошло пару дней назад, хорошо?"

"...Что?" Кидзука моргнул, когда Джиро просто сделал еще один неловкий взмах рукой и пошел обратно к своему столу и другим друзьям.

Возможно, в другом мире этот инцидент сыграл решающую роль в том, что Кидзука избежала судьбы, пропитанной ненавистью. Возможно, он заставил ее оценить тонкости правильного использования квирков и сильнее поверить в то, что регламент важнее необузданной свободы. Возможно, это заставило ее пойти по более правильному пути к становлению героем.

Но это был не тот мир.

<http://tl.rulate.ru/book/55592/1525301>